

неприличным, чтобы дворянские дети приобщались к грубому мужицкому веселью» (XVII, 254). Напомним, что в авторском предисловии к «Слугам...», оправдываясь за отсутствие в его творчестве произведений о народе, Гончаров приводил такие же аргументы: «...я не знаю быта, нравов крестьян, я не знаю сельской жизни, сельского хозяйства, подробностей и условий крестьянского существования, или если знаю что-нибудь, то это из художественных и других очерков и описаний наших писателей» (7, 316).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-172-180

© А. В. Вдовин

**БЫЛ ЛИ М. М. ДОСТОЕВСКИЙ АВТОРОМ РЕЦЕНЗИЙ
НА НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ МАРКО ВОВЧОК В ЖУРНАЛЕ «СВЕТОЧ»?
(ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«Г-Н – БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»)**

Критическая рецепция народных рассказов Марко Вовчок (псевдоним М. А. Маркович, урожд. Вилинской) из украинского и русского крестьянского быта в советское время была неплохо изучена.¹ Особенный интерес она представляла с точки зрения истории русской критики и публицистики, поскольку такие критики и писатели первого ряда, как А. В. Дружинин, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и, конечно же, Ф. М. Достоевский посвятили творчеству М. А. Маркович обстоятельные статьи. Некоторые из них носили программный эстетический характер, как, например, известный полемический манифест Достоевского «Г-н – бов и вопрос об искусстве» (1861). Как известно, редактор журнала «Время» в этом насыщенном тексте не только полемически оспорил эстетические представления Добролюбова, но и предложил собственную, весьма скептическую, трактовку русских рассказов Марко Вовчок. Статья была, казалось бы, исчерпывающе прокомментирована В. А. Тунимановым в 18 томе Полного собрания сочинений и писем Достоевского. В частности, комментатор справедливо и доказательно пишет о влиянии на писателя двух анонимных рецензий на рассказы Марко Вовчок в журнале «Светоч» за 1860 год (№ 1, 10). Туниманов приписывает эти статьи перу М. М. Достоевского, не приводя никаких серьезных аргументов, лишь ссылаясь на более раннюю статью Г. М. Фридендера об этом «предпочтительном» журнале.² Нижеследующее сообщение ставит задачу отвести авторство М. М. Достоевского и выдвинуть убедительные аргументы в пользу атрибуции двух рецензий о прозе Марко Вовчок основному редактору «Светоча» Александру Петровичу Милюкову. Сразу следует оговорить, что атрибуция будет основываться не на безапелляционных документальных подтверждениях (каковыми являются рукописи, конторские книги или свидетельства из переписки — они до сих пор не обнаружены), а идейные, стилистические и биографические совпадения и пересечения между несомненно принадлежащим Милюкову текстом и обсуждаемыми рецензиями.

Впервые гипотезу об авторстве Милюкова высказал Г. М. Фридендер в упомянутой этапной статье об идейной позиции журнала «Светоч», однако он лишь предположил, что авторами двух рецензий на рассказы Вовчок мог быть «А. П. Милюков,

¹ Содержательный обзор отзывов критиков в русле традиционной истории рецепции см.: Дорошкевич О. К. Реалізм і народність української літератури XIX ст. Київ, 1986. С. 129–145. Наиболее полный перечень критических отзывов представлен в словаре С. А. Венгерова: Венгерова С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4. С. 176–179.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 277. Примечательно, что в монографии того же времени В. А. Туниманов воздержался от указания авторства рецензий (Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854–1862 годов. Л., 1980. С. 213; прим. 32).

а может быть, и М. М. Достоевский».³ Аргументов в пользу кандидатуры последнего Фридлендер, впрочем, не привел. Авторство же Милюкова, очевидно, подразумевалось, поскольку тот заведовал всей редакцией журнала. В 1978 году в подробном комментарии к статье Ф. М. Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве» В. А. Туниманов, развивая наблюдения Фридлендера, детально проанализировал возможное влияние рецензий из «Светоча» на формирование мнения Достоевского об украинских и особенно русских народных рассказах Марко Вовчок. Туниманов привел весьма убедительные идейные параллели между анонимными рецензиями и статьей Достоевского. Однако, когда речь зашла об их авторстве, комментатор без всякой аргументации приписал их «предположительно М. М. Достоевскому».⁴ Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что такая атрибуция была сделана скорее интуитивно, поскольку она позволяла проще всего обосновать тезис о непосредственном влиянии текстов в «Светоче» на статью Ф. М. Достоевского во «Времени». Если автором был М. М. Достоевский, то само собой подразумевалось, что он обсуждал с младшим братом и рассказы Вовчок, и эстетические принципы их оценки.⁵

Атрибуция В. А. Туниманова была использована при составлении ЭНИ «М. М. Достоевский» на сайте интернет-лаборатории Петрозаводского государственного университета, где статья о русских рассказах Вовчок была опубликована под 1859 годом, но без каких бы то ни было объяснений, почему предлагается именно такая датировка (номер «Светоча» вышел в октябре 1860 года).⁶

При всей соблазнительности и простоте гипотезы об авторстве М. М. Достоевского, нельзя не заметить, что серьезных и убедительных аргументов в ее пользу до сих пор так и не было предьявлено. Иными словами, не были соблюдены базовые принципы атрибуции, принятые в современной текстологии.⁷ Для того чтобы доказать авторство текста в ситуации, когда у нас нет его документальных подтверждений, необходимо продемонстрировать: «а) идеологическое единство данного произведения с произведениями предполагаемого автора, относящимися к тому же времени; б) стилистическое единообразие данного произведения с прочими относящимися к тому же времени произведениями предполагаемого автора; <...> в) совпадение биографических фактов, отразившихся в анонимном произведении, с известными фактами биографии автора».⁸ Три критерия должны выполняться одновременно. Кроме того, следует отвести авторство других кандидатов. Наконец, в современной (цифровой) текстологии все чаще используется и статистический метод измерения стилистической близости анонимных текстов, известный как дельта Бёрроуза, однако он может применяться только для текстов более 5000 слов.⁹ Ограничение на объем почти полностью выводит из сферы приложения метода критику и публицистику, поскольку

³ Фридлендер Г. М. У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 5. С. 405.

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 18. С. 277.

⁵ Попутно укажем, что уже после выхода 18-го тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского комментаторы издания работ О. К. Дорошкевича без аргументации приписали рецензию на украинские рассказы Вовчок в № 1 «Светоча» за 1860 год М. Ф. Де-Пуле (Дорошкевич О. К. Реалізм і народність української літератури... С. 297). Однако это предположение совершенно невероятно: Де-Пуле в 1859–1860 годах сотрудничал в основном в «Русском слове» и в конце 1860 года, судя по письму, впервые обратился к М. М. Достоевскому с предложением опубликовать во «Времени» его статью «Нечто о мошках и букашках» (см. письма М. М. Достоевского к Де-Пуле: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 507–511). Кроме того, в 1859 году Де-Пуле напечатал в «Русском слове» (№ 10) положительную рецензию на украинские рассказы Вовчок, которая имеет крайне мало общего со статьями в «Светоче».

⁶ См.: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/publ/publ.htm>; дата обращения: 31.07.2023.

⁷ См., например: Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 83–103.

⁸ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750–1765). М.; Л., 1936. С. 160. См. также: Берков П. Н. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII в. // Русская литература. 1958. № 2. С. 180–189.

⁹ См., например: Орехов Б. В., Великанова Н. П. Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. Научно-просветительский общенациональный журнал. 2019. № 1. С. 70–82.

в идентификации нуждаются, как правило, сравнительно короткие анонимные рецензии и заметки. Так, длина рецензии на русские рассказы Вовчок всего около 2000 слов, следовательно, мы не можем использовать дельту Бёрроуза и вынуждены ограничить себя традиционными методами атрибуции.

Далее мы проанализируем обе рецензии с точки зрения одновременного соответствия всем названным выше критериям.

Говоря о принципе *идеологического единства* обсуждаемых текстов, следует сразу сказать, что в нашем распоряжении есть большая программная статья А. П. Милюкова, авторство которой документально подтверждено и которая посвящена той же тематике — развитию и современному состоянию украинской литературы и, в частности, творчеству Марко Вовчок. Речь идет об опубликованной в № 4 «Эпохи» за 1864 год статье «Вопрос о малороссийской литературе», которая была подписана («А. Милюков») и включена в прижизненное собрание статей критика 1875 года.¹⁰ Что касается альтернативного автора, М. М. Достоевского, то у него нет документально подтвержденных статей в «Светоче», «Времени» и «Эпохе» за 1860–1864 годы, в которых рассматривалась бы та же малороссийская проблематика. Отсюда следует, что у нас есть основания для проверки в первую очередь гипотезы о принадлежности Милюкову как минимум первой из рецензий, которая посвящена именно украинским рассказам Вовчок, вышедшим в русском переводе.

Сравнение текста этой рецензии с подписанной статьей Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» позволяет увидеть идейные, композиционные и стилистические (на уровне лексики) сходства и даже повторы, которые с высокой долей вероятности указывают на то, что автором обоих текстов был один и тот же человек.

Прежде всего, и в рецензии 1860 года, и в статье 1864-го Милюков развивает одну и ту же концепцию, в которой эстетические достоинства рассказов были увязаны с социально-политическими реалиями того времени и пресловутым вопросом о потенциальной автономии украинского (или, как тогда говорили, «малороссийского») языка и, как следствие, украинской литературы.¹¹ Критик разграничивал литературу «племенни» и литературу «народа». Если первая стеснена узкими рамками народных преданий и фольклора, то вторая способна воплощать любое содержание. Милюков считал малороссийскую литературу сугубо «племенной», отказывая ей в народном (т. е. национальном) потенциале. Такая позиция четко и последовательно проводится и в короткой рецензии 1860 года, и в большой статье 1864 года. Более того, авторы обоих текстов выстраивают статью из одних и тех же аргументационных блоков, следуя единой логике, хотя, конечно, статья в «Эпохе» примерно в 2,5 раза длиннее и, соответственно, содержит гораздо больше аргументов. Например, Милюков совершает пространный экскурс в историю украинского языка и древней словесности, приводит обширные цитаты из В. Г. Белинского, также отрицавшего существование украинского литературного языка. В конце статьи дается серьезный обзор творчества Т. Г. Шевченко, а в самом финале Милюков все-таки, на минуту, допускает возможность существования автономной украинской литературы, но лишь при одном условии — обретении политического суверенитета. Поскольку это невозможно и Малороссия является частью России, то ни о какой самостоятельной украинской литературе говорить не приходится.¹²

В рецензии 1860 года можно выделить четыре блока, в конспективном виде содержащие тезисы и аргументы, развернутые в статье 1864 года. Во-первых, сразу же зада-

¹⁰ Милюков А. П. Отголоски на литературные и общественные явления. СПб., 1875. С. 126–163.

¹¹ О лингвистических и исторических дискуссиях 1850–1860-х годов см., например: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике российских властей и общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000; Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 172–243; Лескинен М. В. Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 203–233.

¹² Милюков А. П. Вопрос о малороссийской литературе // Эпоха. 1864. № 4. С. 101.

ется оппозиция «племенной» литературы / жизни и жизни целого народа / нации. Здесь и далее курсивом мы маркировали повторы одинаковых слов и выражений:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Вопрос о том, до какой степени возможна литература такой народности, как малороссийская, — вопрос почти решенный. *Племенная* литература, как бы ни было богато одарено от природы самое племя, если оно только родственно господствующему народу, всегда бывает *замкнута в кругу очень тесном*; она может быть богата произведениями, выражающими быт, воспоминания, характер племени, но никогда не возвысится до общенародного значения. Это только материал для литературы народа.¹³

Затем Милюков дает краткий обзор развития малороссийской литературы в XIX столетии от Квитки-Основьяненко до Гоголя, обращая внимание на общую для них всех траекторию — сознательный выбор в пользу русского языка:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

В настоящем столетии в Украине начала возникать литература в новом более широком смысле; но как самая племенная жизнь, по элементам своего содержания, была слишком узка и ограничена, то большая часть *талантов скоро выходила из тесного круга своей народности, оставляла свой племенной язык и обращалась к литературе русской*, обещавшей содержание более широкое и полное [далее следует упоминание Квитки-Основьяненко и Гребенки] (Светоч-1, с. 69).

Гоголь, несмотря на *горячую любовь к родной Малороссии*, как великий талант почувствовал сразу, как невозможно для него развитие в пределах племенной народности, а потому, *обогатясь ее элементами, он тотчас же прижмул к общей русской жизни, сам почерпнул в ней могучие и разнородные силы и в нее внес новую, небывалую струю* (Светоч-1, с. 70).

Далее Милюков почти в одних и тех же выражениях конкретизировал причины, по которым малороссийские авторы переходили на русский язык — не из-за недостатка патриотизма, а в поисках более широкой читательской аудитории:

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Племенная жизнь отдельной провинции нигде не создавала самобытной литературы; не могла создать ее и настоящая жизнь Малороссии, в которой с перерождением казачества не осталось никаких самобытных элементов, вне общих начал русской жизни, кроме одних местных преданий, провинциальных обычаев и воспоминаний о давно отжившей старине. Вот почему обширному литературному дарованию в Малороссии становилось *душно в тесном и замкнутом кругу* провинциального воззрения.¹⁴

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Все истинно талантливое неизбежно тяготеет к общей русской жизни, к русскому литературному языку и к общей нашей литературе. *Целая толпа даровитых представителей новой русской литературы вышла из Украины, и все эти талантливые писатели или с первого своего шага обращались к русскому языку*, как Гнедич и Нарезный, или после нескольких опытов на местном наречии неизбежно примыкали к общей русской литературе, как Основьяненко, Гребенка и наконец Гоголь (Милюков, с. 90).

При всей *горячей любви к Малороссии*, при сочувствии к ее поэтическим преданиям, к ее прекрасной родной поэзии старины, истинно талантливые украинские писатели понимали, что примыкая неразрывно к общему русскому отечеству <...>, она в будущем не может жить более отдельной, самостоятельной жизнью, и отныне умственная деятельность Украины должна также сливаться с общерусскою деятельностью <...>. Все здраво понимающие дело видели, что малороссийские писатели, обращаясь к общерусскому языку, *вносят новые элементы в нашу литературу и сами с другой стороны почерпают в ней живительные силы*, каких никогда не в состоянии дать узкая среда провинциального быта (Милюков, с. 90).

¹³ [Б. п.]. Украинские народные рассказы Марко Вовчка, пер. И. С. Тургенева. СПб., 1859 // Светоч. 1860. № 1. Отд. Критическое обозрение. С. 68 (далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Светоч-1, с указанием номера страницы).

¹⁴ Милюков А. П. Вопрос о малороссийской литературе. С. 89. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Милюков, с указанием номера страницы.

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Это зависело не от недостатка патриотизма, а оттого, что таланту, воспитавшемуся в новой жизни, трудно было дышать в тесной, ограниченной среде племенной народности: его томило в ней, тяготило подавляющей узостью жизни, и он стараясь вырваться в более широкий круг, не находил другого исхода, как только русскую жизнь и литературу, и освежаясь в ее источнике, нередко и сам вносил в нее новую, освежающую струю (Светоч-1, с. 70).

После этого Милюков в обоих текстах задействует аргумент из сравнительной истории стран, культур и литератур, апеллируя к опыту других империй — в частности Британской, которая подчинила себе Шотландию, но автономной шотландской литературы в результате так и не развилось, хотя входящие в состав государства «племена» вполне способны дать литературе весьма самобытных поэтов, воспевавших локальный колорит своей родины. Если в Великобритании таким был Роберт Бернс, то в России — Тарас Шевченко, к которому далее обращается Милюков:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Шотландия дала английской литературе несколько талантов, но сама не выработала ни одного замечательного поэта; Малороссия в этом отношении была гораздо счастливее: она подарила России много имен, которыми гордится наша новая литература, и в то же время создала своего самобытного, вполне родного поэта. Мы говорим о Шевченко (Светоч-1, с. 70).

Наконец, речь в обеих статьях заходит и о рассказах Марко Вовчок. Как видно из сопоставительного примера ниже, в статье 1864 года Милюков суммировал свои выводы из более ранней рецензии, используя те же самые ключевые характеристики прозы Маркович — сентиментальность, монотонность, бедность содержания. В итоге вердикт остается прежним: Вовчок скоро забудут, если она не изменит направление.

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

От этих сентиментально-обличительных повестей вы переходите к тем рассказам, в которых автор рисует любовь, и сперва несколько от-

Милюков А. П.

Вопрос о малороссийской литературе

Это обращение лучших талантов Украины <...> происходило не от недостатка сочувствия их к своему местному, народному элементу, не от равнодушия или пренебрежения к родной стране, не от чуждого, искусственного воспитания в антинародном духе, но от желания иметь больший круг читателей; но от недостатка литературных элементов в бытовой жизни племени, от тесноты мелкой провинциальной среды, от сознания возможности одного только литературного языка, от убеждения наконец в том, что читающая публика есть общая публика русская (Милюков, с. 89–90).

Милюков А. П.

Вопрос о малороссийской литературе

Как народные песни и баллады на шотландском и уэльском наречии, собранные в конце прошлого века, обратили на себя внимание всей Англии, так и издание этих народных памятников малороссийской поэзии вызвало искреннюю симпатию в русском обществе. Но малороссы на этом не остановились. В Англии народные шотландские песни послужили только источником вдохновения для Борнсов и Вальтер-Скоттов, но не оторвали их от общей английской литературы и выработанного веками общего английского языка; у нас же в Малороссии нашлись люди, которые обращаясь к живому источнику племенной народной поэзии, начали вместе с тем мечтать о литературной самобытности своего наречия (Милюков, с. 76).

Наконец в недавнее время появился талантливый поэт, который при полном знании русского языка остался верен своему провинциальному наречию и писал на нем с таким успехом, что многие земляки увидели в нем первоклассного гения (Милюков, с. 77).

Милюков А. П.

Вопрос о малороссийской литературе

Несмотря на несомненное дарование писательницы, известной под этим именем, на ее поддельное чувство, задушевную искренность

дыхаете, но и здесь наконец видите ту же *монотонную* грусть, те же нескончаемые слезы и жа- лобы. Все эти козаки и козачки точно так же пла- чут в счастья, как и горестях. <...> *книга Марка Вовчка становится нестерпимой, и вам хочет- ся бросить ее и отдохнуть на чем-нибудь дру- гом.* <...> Это зависит вовсе не от силы чувства или слишком резкой самобытности дарования, а оттого, что дарование автора отличается одно- образием мотивов и *бедностью содержания* (Све- точ-1, с. 76).

Положения и лица во всем этом до того сход- ны, грусть в этих рассказах так монотонна, что кажется *вам пересказывают одну слезливую и бес- конечно-печальную сказку, и всякий раз, доведя ее до конца, опять начинают сначала* (Светоч-1, с. 75–76).

Успех этот едва ли прочен. *Если Марк Вов- чек не найдет каких-нибудь новых сторон в жиз- ни, не выйдет из монотонного мотива одной веч- но повторяющейся песни*, то он не пойдет уже далее в нашей литературе — его *монотонные* рас- сказы прискучат самым горячим его почитателям и скоро будут забыты (Светоч-1, с. 76).

Как представляется, отмеченные совпадения, будучи одновременно и идейны- ми, и стилистическими, вплоть до повтора целых фраз, не оставляют почти никаких сомнений, что А. П. Милюков — автор более ранней рецензии и впоследствии исполь- зовал ее для подготовки статьи в «Эпоху».

В отличие от рецензии на украинские рассказы, ситуация с отзывом о русских рассказах Вовчок обстоит далеко не так однозначно.

Прежде всего отметим, что, хотя рецензия в № 10 «Светоча» и посвящена все тому же автору (Марко Вовчок), внимание обозревателя смещается на второй ее сбор- ник — «Рассказов из народного русского быта». Теоретически ничего не мешало Ми- люкову как редактору журнала¹⁵ заказать рецензию кому-то другому — например, тому же М. М. Достоевскому или же Н. М. Соколовскому, поместившему в «Светоче» за 1860 год несколько подписанных статей о крупных произведениях отечественной литературы. Тем не менее следует рассмотреть аргументы в пользу авторства того же Милюкова.

Во-первых, анонимный автор сообщает: «...мнение наше о произведениях Марко Вовчок было уже однажды высказано в нашем журнале; новая книжка этой писатель- ницы еще более убедила нас в прежнем нашем о ней мнении».¹⁶ Обычно такие фор- мулировки в журналах того времени указывают на то, что обозреватель, пишущий от лица «мы», отсылает к своей предыдущей рецензии, а не имеет в виду позицию жур- нала в целом (хотя, конечно, бывали и исключения).

Идейно-концептуальное наполнение рецензии на русские рассказы в целом сов- падает с содержанием предшествующей статьи; автор статьи весьма низко оценивает художественный уровень рассказов, отмечает монотонность содержания и однообра- зие персонажей, которое создает у читателя ощущение вечного повторения, наподобие бесконечной сказки:

¹⁵ Ср. в его мемуарах: «Когда я заведывал редакцией „Светоча“, у меня каждую неделю со- бирались по вечерам сотрудники» (Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 238).

¹⁶ [Б. п.]. Рассказы из народного русского быта, Марко Вовчка, Москва, 1859 // Светоч. 1860. № 10. Отд. III. С. 41 (далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Све- точ-10, с указанием номера страницы).

в рассказе и даже заметную художественность в компоновке характеров и положений, — какая у нее *бедность в содержании*, какое отсутствие жизненного мирозерцания, однообразие в ос- новной идее, какая *монотонность в изложении* и наконец какая во всем провинциальная мел- кость и *сантиментальность!* <...> Всякий новый рассказ ее только пересказ прежнего; это не но- вая картина, но тот же самый эскиз с другой и притом очень близкой точки зрения; не новые лица, но те же самые портреты, снятые то в про- филь, то в три-четверти. И все это вращается в од- ном, самом узком кругу, в объеме одного только вопроса, вдобавок теперь совершенно исчерпан- ного и отжившего. *Читать новые рассказы этой писательницы так же утомительно, как слу- шать двадцать раз к ряду, с ничтожными вари- антами, одну и ту же сказку, пересказываемую в одном и том же тоне*, тем же самым складом. Будущности у Марка Вовчка нет никакой, *пока эта писательница останется верно своему про- винциальному воззрению и своему племенному наречию* (Милюков, с. 90).

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Положения и лица во всем этом до того сходны, грусть в этих рассказах так *монотонна*, что кажется вам *пересказывают одну слезливую и бесконечно-печальную сказку, и всякий раз, доведя ее до конца, опять начинают сначала* (Светоч-1, с. 75–76).

**Анонимная рецензия
на русские рассказы Вовчок**

— Сказать тебе сказочку про белого быка?
— Скажи.
— Ты говоришь-скажи, я говорю-скажи и т. д.
Сказать тебе сказочку про белого бычка?
Колыбельная присказка (Светоч-10, с. 39).

В конфетных, приторных рассказах Марка Вовчка мы могли только иногда видеть теплое чувство — но до того *монотонное и однообразное*, что оно сначала только утомляет, но потом делается несносным, нестерпимым, как *бесконечная сказка о белом бычке* (Светоч-10, с. 47).

В первой рецензии Милюков лишь впроброс замечает, что чтение рассказов Вовчок подряд навевает ощущение бесконечной сказки, которая в конце начинается сначала. Во второй рецензии автор как будто подхватывает это сравнение и выносит в эпиграф сказку про белого бычка. Вряд ли такое совпадение случайно.

Рамочная концепция второй рецензии удивительно напоминает рассуждения Милюкова в первой рецензии и статье 1864 года о соотношении «племенной» и «народной» литератур. Эта антитеза и ее лексическое оформление настолько характерны для идиостиля Милюкова, что вряд ли могли бы быть общим местом в критике начала 1860-х годов, поскольку мало кто из критиков обращался к проблеме малороссийской идентичности и литературы:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Племенная литература, как бы ни было богато одарено от природы самое племя, если оно только родственно господствующему народу, всегда бывает замкнута в кругу очень тесном (Светоч-1, с. 68).

...большая часть талантов скоро выходила из тесного круга своей народности, оставляла свой племенной язык и обращалась к литературе русской, обещавшей содержание более широкое и полное (Светоч-1, с. 69).

**Анонимная рецензия
на русские рассказы Вовчок**

Из среды *узкой племенной жизни*, которую прежде Марко Вовчек избирала темой для своих рассказов, она перешла теперь в среду русского народного быта, где более живого элемента и красок для художника и где писатель *не стеснен, не сужен бедностью и однообразием племенной жизни*. Но Марко Вовчек и в этой новой среде осталась все той же, с тем же мирозерцанием, теплым, но утомительным *до монотонности* чувством, с тем же неподвижным *однообразием* (Светоч-10, с. 41).

В правом столбце обращает на себя внимание слово «элемент», встречающееся в анонимной статье два раза (см. также: Светоч-10, с. 42). В статье Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» оно употреблено 18 раз. В двухтомнике сочинений М. М. Достоевского и в двух его критических статьях (о «Грозе» и стихотворениях А. Н. Плещеева) оно не встречается совсем, поэтому есть довольно веское основание считать это слово характерным для Милюкова периода 1860–1864 годов.

В обеих рецензиях есть еще одно сходство — на сей раз композиционное. Обе статьи открываются упоминанием покровителя Марко Вовчок — И. С. Тургенева. В рецензии на украинские рассказы Милюков приводит анекдот о некоем биржевом игроке, у которого, благодаря одному лишь факту знакомства с Ротшильдом, дела пошли в гору. Так же Вовчок, по мнению рецензента, реклама Тургенева принесла внимание читателей и критиков. В рецензии на рассказы из русского быта автор снова вспоминает о протекции Тургенева: «Один писатель, любимый публикой — сам взялся перевести ее малороссийские рассказы на русский язык, справедливо предполагая, что это лучшая рекомендация для начинающего литератора» (Светоч-10, с. 39).

Наконец, во второй анонимной рецензии можно найти два биографических факта, которые, как представляется, также делают авторство Милюкова гораздо более вероятным, чем М. М. Достоевского.

В начале статьи, рассуждая о якобы незрелости некоторых критиков, торопливо объявляющих начинающих писателей гениями и крупными талантами, автор делает выпад в адрес А. А. Григорьева (не называя фамилии) и его фельетона в «Сыне отечества» (1860), где он объявил молодого поэта К. К. Случевского надеждой русской поэзии и «новым Лермонтовым» (Светоч-10, с. 40). Примечательно, что то же неприятие и та же нескрываемая ирония по отношению к Григорьеву и его странной журнальной выходке возникают еще в двух анонимных статьях «Светоча» за 1860 год. Так, в № 4 в рецензии на сочинения Евгении Тур критик иронически и с сожалением рассказывал об «одном из наших талантливейших писателей», который «по прихоти» увидел в стихотворениях Случевского будущее русской поэзии и «словами какого-то подставного Ивана Ивановича — торжественно и громогласно объявлял всем о появлении нового, сильного, гениального таланта».¹⁷ В анонимной полемической статье «Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина», судя по всему, тот же автор упрекал «корифеев журналистики» в «старческом недовольстве», «дряхлом охлаждении» и «припадках страсти к оригинальности». В качестве примеров последней приводились восторги критики «сахарными повестями Марко Вовчок и поэзией Случевского».¹⁸ Велика вероятность, что эти анонимные рецензии и обзоры были написаны редактором Милюковым, который, пользуясь своей должностью, мог, как это было принято в то время, не подписывать статьи.

Вероятно, что Милюкову, если это был он, не нравились причуды эксцентричного Григорьева, который в воспоминаниях критика изображен как талантливый, но все время находящийся в долгу у редактора сотрудник. Отношение М. М. Достоевского к Григорьеву было иным, и в своей единственной подписанной статье в «Светоче» он, также не называя критика по фамилии, тем не менее, воздает ему должное за открытие таланта А. Н. Островского и именует его мнение гласом вопиющего в пустыне: «В особенности много, резко и долго вопиял в огромной пустыне один талантливый голос, который так же громко, хотя и менее резко, раздавался в последнее время за г. Островского и в петербургских журналах. Этому голосу принадлежит и та фраза, над которой в былое время так глумилась наша критика: Островский действительно сказал *новое слово*».¹⁹

Из этой цитаты и из более широкого контекста отношений М. М. Достоевского и Григорьева в 1860–1861 годах следует, что вряд ли первый, будь он автором анонимной рецензии на рассказы Вовчок, стал бы мелочно подтрунивать над вторым за то, что тот неосмотрительно увлекся поэзией Случевского.

Второй биографический факт в анонимной статье не выглядит столь же убедительно, как первый, однако мы обязаны к нему обратиться, поскольку он косвенно связан с предыдущим. Критик сравнивает Машу из одноименного рассказа Вовчок с героем пародии Амоса Шишкина (псевдоним А. П. Сниткина) «Солнечный свет» на стихотворение А. Н. Майкова «Лунный свет» (Искра. 1859. № 47). В 1860 году Сниткин был сотрудником «Светоча» и вел там «Петербургскую летопись» и «Карикатурный листок». В «Летописи» № 3 Сниткин высмеивал ту же самую статью Григорьева о стихотворениях Случевского, что и анонимный критик.²⁰ Логично предположить, что рецензент и Сниткин были хорошо знакомы и читали друг друга на страницах одного и того же журнала. Если бы рецензентом был М. М. Достоевский, вероятность этого была бы в разы меньше, чем в случае с Милюковым, который, будучи редактором, явно прочитывал все материалы журнала.

Осталось понять, какие у нас есть аргументы в пользу авторства других кандидатов — в первую очередь М. М. Достоевского или кого-либо из прочих сотрудников

¹⁷ [Б. п.]. Повести и рассказы Евгении Тур. Москва, 1860 // Светоч. 1860. № 4. С. 46.

¹⁸ [Б. п.]. Критическое обозрение русской литературы. Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина // Светоч. 1860. № 8. Отд. III. С. 22.

¹⁹ Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Светоч. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 3–4.

²⁰ Сайкина Н. В. Сниткин Алексей Павлович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 694.

«Светоча». На авторство старшего из братьев Достоевских указывает, по сути, лишь одно обстоятельство — совпадение в требованиях к художественности, которая не должна подчиняться идеологии. Именно в этом состояла суть эстетической позиции в статье Достоевского о «Грозе» Островского. Легко заметить, что примат художественности — весьма распространённый в критике того времени аргумент, обсуждавшийся в статьях П. В. Анненкова, В. П. Боткина, А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина, А. А. Григорьева, наконец, и А. П. Милюкова, практически в каждой статье которого в сборнике 1875 года встречается слово «художественный» и его дериваты. Один лишь этот критерий ни в коем случае не может считаться достаточным для определения автора статьи.

Что касается других кандидатов, то вероятным претендентом мог бы быть Николай Михайлович Соколовский, регулярно писавший для «Светоча» большие критические статьи в 1860 году. Однако против него свидетельствуют тематика (неизвестны его тексты об украинских авторах), стиль (его статьи очень риторичны и эмоциональны) и биографические реалии. Все статьи Соколовского в «Светоче» подписаны его именем. Это было важно для начинающего критика, очевидно потому, что в это время он служил судебным следователем в Симбирске и был крайне заинтересован в накоплении символического капитала в петербургских журналах.²¹ Таким образом, авторство Соколовского представляется крайне маловероятным.

Подведем итоги. Как мы попытались доказать, автором первой рецензии «Светоча» на украинские рассказы Вовчок был А. П. Милюков, что с чрезвычайно высокой вероятностью подтверждается совокупностью всех обстоятельств и выполнением всех критериев атрибуции. Об авторстве же второй рецензии на русские рассказы уже не приходится говорить столь уверенно, однако представленные нами аргументы говорят в пользу Милюкова и против М. М. Достоевского. Отсюда следует два вывода. Во-первых, рецензия на рассказы из русского народного быта должна быть выведена из состава ЭНИ «М. М. Достоевский» на сайте Петрозаводского государственного университета или, по меньшей мере, перемещена в раздел *Dubia*. Во-вторых, этот факт должен быть в будущем учтен и в новом комментарии к статье Ф. М. Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве», который будет обновляться для нового академического Полного собрания сочинений писателя.

²¹ *Викторович В. А. Соколовский Николай Михайлович // Там же. С. 720.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-180-191

© С. Н. Гуськов

ЗАЧЕМ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» В 1863 ГОДУ ПРИЗЫВАЛА РУССКИХ ДВОРЯН ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ? (ЕЩЕ РАЗ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. А. ГОНЧАРОВА НА ПОСТУ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ)*

Массовый отъезд в Европу русских дворян¹ в начале 1860-х годов стал заметным явлением для современников, нашел отражение в творчестве И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева и других авторов. Чувстви-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Отмечалось, что миграционные потоки или «отливы» из России растут именно с 1860-х годов, когда начинается так называемая «вторая эпоха русской эмиграции». С 1860-го по 1890-й из России выехало примерно 1 млн. 130 тыс. человек, для сравнения, в предыдущую эпоху, с 1828 по 1859 год около 33 тыс. (*Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 11.*)